

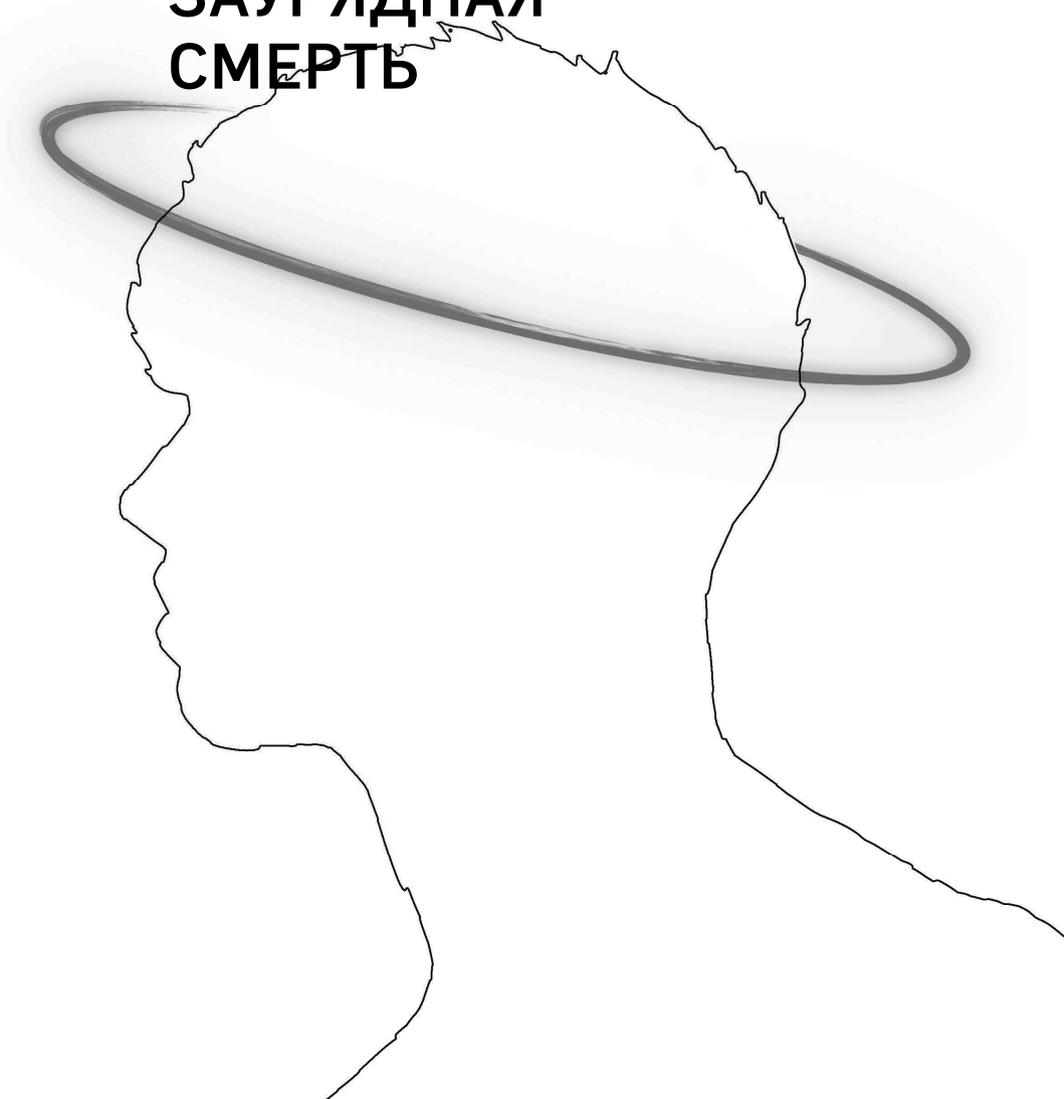
ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ЗАУРЯДНАЯ СМЕРТЬ	7
ГЛАВА 2. ПРОЩАНИЕ	15
ГЛАВА 3. ИНТЕРН	25
ГЛАВА 4. ПАТОЛОГОАНАТОМ.....	33
ГЛАВА 5. ТЕНИ	39
ГЛАВА 6. ПОЧЕМУ ТЫ ОСТАЛСЯ?.....	45
ГЛАВА 7. (НЕ)СВОБОДА.....	51
ГЛАВА 8. Я НЕ БУДУ ЭТОГО ДЕЛАТЬ.....	57
ГЛАВА 9. ИНТУИЦИЯ	67
ГЛАВА 10. «ДЕЛО»	73
ГЛАВА 11. ВОРОВАТЬ — ПЛОХО.....	81
ГЛАВА 12. ВСЕ СВЯЗАНО	87
ГЛАВА 13. НЕ СЛУЧАЙНЫЕ.....	95
ГЛАВА 14. Я ПОМОГУ	103
ГЛАВА 15. ПИРОГ	111
ГЛАВА 16. СТИРАТЕЛЬ.....	119
ГЛАВА 17. БЕЖИМ?.....	125
ГЛАВА 18. ПРОЕКТЫ	131
ГЛАВА 19. СТРОЙКА.....	139
ГЛАВА 20. ПРЫГАЙТЕ!	145

ГЛАВА 21. СТРАДАНИЕ — ЭТО ВЫБОР	153
ГЛАВА 22. ВЕРА	161
ГЛАВА 23. ПОСЛАНИЕ	169
ГЛАВА 24. ЧТО-ТО ПОШЛО НЕ ТАК	177
ГЛАВА 25. УРОКИ	185
ГЛАВА 26. НОВЫЙ ОПЫТ	193
ГЛАВА 27. АНГЕЛ	203
ГЛАВА 28. ЛЕТИ	211
ГЛАВА 29. ОТЕЦ	217
ГЛАВА 30. МАКСИМУМ ЛЮБВИ	225
ГЛАВА 31. «ГОЛОВОЛОМКА»	235
ГЛАВА 32. ВАННАЯ	243
ГЛАВА 33. МОЙ ВЫБОР	249
ГЛАВА 34. «КЛАДБИЩЕ № 8»	257
ГЛАВА 35. ЯМА	265
ГЛАВА 36. СДО	271
ПОСЛЕСЛОВИЕ, КОТОРОЕ НУЖНО ПРОЧИТАТЬ	279

ГЛАВА I

ЗАУРЯДНАЯ СМЕРТЬ

Где-то я слышал мудрую мысль: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Я же потерял самую ценную вещь — собственную жизнь. Хочу ли я заплакать? Да не особо: все обременяющие обязательства остались там, где лежит мое тело. Стало легче, свободнее что ли, понимаешь? Я умер вполне заурядной и неинтересной смертью, даже обидно как-то.

И в богом забытой газетенке маленького городка, где я вырос и прожил до 46 лет, на предпоследней странице ничего не напишут, я не дождусь хотя бы заметки вроде: «Скоропостижно скончался в молодом возрасте...»

В один день я схватился за грудь и свалился на пол, скорчившись от боли.

И нет, смерть с косой не приходила ко мне в гости с попкорном и газировкой. Единственным, кто решил провести меня, стал мой арендодатель, живший этажом ниже.

Толик был хоть и неприятным человеком, но до жути педантичным. Каждый месяц десятого числа с утра он тарабанил мне в дверь, забирал конверт с деньгами и исчезал.

В этот раз на его стук никто не ответил... Мое сердце свое отстучало, и только кот хрипло мяукал за закрытой дверью, а мяукал мой котяра только когда был голоден, и Толик это знал.

Как-никак за двенадцать лет мы пару раз Новый год вместе отмечали. И как-то после полбутылки водки в Толике проснулась любовь к животным... Как сейчас помню: толстое, почти круглое лицо налилось румянцем, глаза затуманились, а его лапищи потянулись к Барсику. Моему Барсику! Я тогда еле себя сдержал. Когда выпью, мой инстинкт самосохранения испаряется, но, в последнюю секунду оценив ситуацию, я себя одернул и драться не полез.

Этот пьяный детина (а надо сказать, у Толика ручищи были не менее выдающегося размера) и так и эдак кота моего крутил, а он не мяукает и не мурчит. Тогда-то я ему и рассказал, что кот у меня «особенный»: мяукает, только когда жрать просит.

Вот, лежу я, а кот орет. Это было уже не мяуканье, а ор на кошачьем. Толика, видимо, крик смутил, и минут через двадцать он вернулся с ключами, открыл дверь и увидел меня — посиневшего с вывалившимся языком.

Даже небрезгливый Толя, который одни носки может по месяцу носить, побледнел, натянул выцветшую майку на нос и кинулся к телефону, чтобы позвонить в скорую, а я сижу рядом с собой и смотрю. Ага, я. Та часть, которая все осознает и рассказывает здесь об этом. Тело-то мое на месте лежит, цветет себе и пахнет, а я сижу на корточках рядом и наблюдаю за происходящим. Сколько я так лежал — сказать не могу: может, давно, а может, недавно — не знаю. Да и неважно уже это.

Вскоре в мою небольшую квартирку зашли трое мужчин в полицейской форме

и столько же сотрудников скорой помощи. Ах, как слаженно они работают, красота! Один пульс щупает, второй протокол заполняет, третий Толика допрашивает.

Среди всех людей, снующих туда-сюда, выделялся один молодой пацан, видимо, интерн. Судя по зеленоватому лицу, он впервые видел мертвого человека, и тут произошёл надлом. Сдерживая рвотный позыв, он бросил сумку на пол и, чуть не сбив кота, выбежал на лестничную клетку.

Заблевал там все, наверное... Я решил проверить и, встав с корточек, пошел за интерном, но у двери моя нога уперлась в невидимый экран. От соприкосновения с ним по квартире пошла волна, образуя купол. Никто из окружающих этого, конечно, не заметил, только Барсик мяукнул. Толик как раз приподнял его за холку и крепко прижал к себе.

Подняв руку, я положил ладонь на невидимую поверхность и с усилием толкнул. Вокруг ладони вибрации усилились, но экран стоял как влитой. Навалившись, я надавил сильнее, и в момент, когда плечо стало жечь, через дверной проем и сквозь меня

прошел интерн, вытирая халатом остатки рвоты со рта.

Старшие коллеги похлопали пацана по спине и вышли в коридор за носилками. Пару полицейских, шушукаясь, называли меня жмуриком, говорили, что дело плевое, и уже обсуждали планы на вечер. Тело накрыли простыней, и два крепких парня, еле вписываясь в дверные проемы, вынесли его из квартиры.

И в тот момент, когда я надеялся, что с неба упадет белый свет и я помчусь на встречу Творцу, произошло то, чего я точно не ожидал.

ГЛАВА 2

ПРОЩАНИЕ

Что-то дернуло меня за левый бок и потащило в сторону моего бездыханного тела. Сопротивляться было бесполезно. Это как маленькому клубочку пыли пытаться выстоять против пылесоса, направленного прямо на него. И я опять почувствовал контроль, только когда оказался на лестничной клетке.

— Да я тебе говорю, Женёк, не войдем мы в лифт. Давай, хватай уже носилки и понесли.

— Нет, а если мы вот... как его? — почесывая голову, медбрат Женёк, видимо, вспомнил слово. — Во, точно! Вертикально поставим! Давай хоть попробуем, а? У меня с прошлого раза поясница в себя не пришла.

Мужик постарше лишь махнул рукой, закатал рукава и, показывая всем видом, что разговаривать больше не будет, приподнял свою часть. Женёк что-то тихо процедил сквозь зубы, но спорить со старшим товарищем не стал.

Я последний раз с тоской взглянул на свою дверь, поджал нижнюю губу и попрощался... Но не с чем-то конкретным, а просто с местом, в котором прожил последние годы.

Надеюсь, Толик позаботится о Барсике, а если не позаботится, я к нему во снах начну приходить и мяукать.

Раздался удар.

Повернув голову, я увидел, как металлическая ручка носилок ударилась о железные перила.

— Э, мужики, не картошку несете! — раздосадованно крикнул я, но реакции не последовало. Мужики как кряхтели, нащупывая ногами ступеньки, так и продолжали кряхтеть.

Их понять можно: после тридцати я изрядно поднабрал и с каждым годом все больше стал верить в поговорку «Хорошего

человека должно быть много». Не уверен, что фельдшер и медбрат, перенося мои 96 килограммов, в этот момент соглашались с ней.

Спускаясь за ними, я обратил внимание, что в трех местах тело было зафиксировано ремнями. Видимо, пока я «пускал слезу», прощаясь с местом обитания, мужики пристегнули тело. И на том спасибо.

Как-то в детстве я был на похоронах. Мне было лет пять или шесть — уже и не вспомню точно. В те годы с пожилыми людьми прощались, соблюдая определенные ритуалы.

Рыдая, соседи с траурными лицами провожали в последний путь стариков, которые, конечно же, «ушли так рано...», а от квартир усопших до самого катафалка разбрасывали цветы.

Меня же никто не провожал: детей не было, дальние родственники жили в другом городе, и мы почти не общались, а друзья... Кто-то тоже покинул бренный мир, а кто-то просто пропал из моей жизни.

Пожилая женщина с грустным лицом — кажется, соседка с пятого этажа — придерживала

дверь, пока медбратья выносили мое тело на улицу.

Старший медбрат весь взмок, и с его лба, как бусинки, свисали капли пота.

Рядом с подъездом на аварийке стояла скорая. Водитель, увидев нас, вышел, быстрым шагом обошел машину и открыл заднюю дверь.

— Серёга, помоги, а! Будь другом, — хриплым голосом запричитал Женёк.

И вот они втроем приподняли носилки и закинули их в салон. Закрыв двери, мужики синхронно, словно долго репетировали, взяли по сигаретке и закурили. Мне бы кто закурить дал.

— Есть у кого сигареты для призраков?

Но меня опять не услышали, эх! Что ж я не догадался умереть с пачкой сигарет в заднем кармане треников?

Нет, ну серьезно, вся одежда на мне. Треники, которым лет десять, изрядно изнасились, но я не жаловался. Засунув руку в левый карман, я нащупал дырку, провел по растянутой майке с выцветшими желтыми буквами партии, коснулся трехдневной щетины и неожиданно поймал

солнечный блик от бокового зеркала скорой. Подойдя к машине, я наклонился, однако вместо отражения увидел что-то иное, странное... Самого лица не было видно, но по контуру головы пробежала еле заметная желтоватая линия, похожая на неоновую подсветку.

На улице стояла июльская жара, ярко светило солнце, а цветущий тополь повсюду разбрасывал пух, от чего траур напрочь не ощущался. Наверное, смерть в конце октября под опадающую пожелтевшую листву и морозящий дождь воспринимается совсем иначе.

— Ну, мужики, поехали? — водитель скорой бросил окурок на асфальт, затушил тлеющий уголек ботинком и запрыгнул на свое сиденье.

Машина завелась, улица наполнилась гулом мотора, а выхлопная труба, кашлянув, извергла облако серого дыма.

Старший медбрат последовал за водителем и сел рядом с ним, а Женёк — тот, что помоложе, — залез в кузов с телом и по очереди закрыл задние двери. Пока машина не сдвинулась с места, я подскочил

к закрытым дверям, вытянул руки, боясь удариться лбом, и прошел сквозь них. По ощущениям — это как провести палец через струю воды из крана.

Интерн уже сидел внутри и что-то конспектировал в тетради. Судя по лицу, он уже отошел, и только взъерошенные волосы и остатки блевоты на штанах выдавали его напряжение. Я сел рядом с интерном и заглянул в тетрадь. Господи, он только-только ступил на путь медицины, а почерк уже нечитае́мый. Видимо, когда даешь клятву Гиппократу, ты автоматически получаешь каракули вместо букв.

Скорая тронулась, и нас потрянуло. Белая простыня сползла с посиневшего лица. Женёк взял в руки телефон, привстал, держась за поручень, и сфотографировал меня, а затем сделал селфи на фоне тела.

— Эй, ты чего творишь? — подал голос интерн, закрыв тетрадь.

— Тебе какая разница? Сиди дальше в своей тетрадке и лишних вопросов не задавай, понял? — фыркнул Женёк и набычил-ся, выпятив вперед нижнюю челюсть.

ПРОЩАНИЕ

С виду он больше на словах боец, чем на деле, но интерн не стал спорить и снова взялся за тетрадь. Заглянув через плечо, я попытался разобрать написанное. И то, что я прочел, меня напугало.

ГЛАВА 3

ИНТЕРН

Призрака можно напугать? Еще как! Когда я еще раз заглянул в тетрадь интерна, почерк, который совсем недавно я принял за каракули и неразбериху, стал цельным и понятным.

Я понял, что это латынь, или мертвый язык. Откуда мне это известно? В студенческие годы довелось побывать на скучных парах, где преподаватель давал основы, но посещал я эти занятия совсем с другой целью. Почти все время я пялился на девушку — ее звали Татьяна, — в которую был влюблен до беспамятства. Тогда я ходил с длинными волосами, и если правильно подпереть рукой голову, то можно было разглядывать Таню под бубнеж «Quidquid

latine dictum sit, altum sonatur», не привлекая к себе внимания.

И только голос лектора об окончании урока возвращал меня в реальный мир, который не особо радовал, но что-то я забегаю вперед.

Латынь! Бьюсь об заклад, спроси меня месяц назад на улице, я бы и двух слов не смог связать, а тут я бегло читал написанное, и каждая строчка пугала больше предыдущей. Читаю:

«Отец, я понял, что не готов и вряд ли буду готов! Мне требуется прилагать невероятные усилия, чтобы не раскрыть себя, и я прошу... прошу дать мне второй шанс. Я готов сделать что угодно, но только не отрабатывать свое наказание тут, на Земле».

На слове «Земля» я с недоверием посмотрел на молодого пацана. На вид ему было лет девятнадцать. Юное, совсем невинное лицо, пепельного цвета волосы, слегка выпирающие скулы и пронзительно голубые глаза.

Я поднялся и встал напротив. Вытянул вперед руку и помахал кистью перед его

носом. Да нет, городской сумасшедший какой-то, я-то уж подумал... Повернувшись, чтобы сесть на место, я сделал шаг и чуть было не упал, зацепившись за что-то ногой.

Интерн, сидевший до этого со скрещенными ногами, выпрямил их — об них-то я и споткнулся. Опустившись на корточки, я наклонился и осторожно ткнул пальцем в кроссовок. Палец прошел сквозь него. Я разочарованно вернулся на место.

Женёк ехидно улыбался, уставившись в телефон и не переставая тыкать пальцами в экран, а интерн продолжал вести записи:

«Ты же знаешь, я не виноват в случившемся. Поговори еще раз с моими братьями. Я уже так долго среди людей, что начинаю забывать себя. И зачем я тут? Для чего? Чтобы страдать? Находясь вдали от дома, я теряю силы. Я чувствую, как они покидают меня. Кажется, еще чуть-чуть — и я стану обычным человеком.

Сегодня со мной произошла странная вещь. Приехав на...»

Скрипнув тормозами, скорая резко остановилась, и мои спутники в один момент

оторвались от своих занятий: Женёк от телефона, а интерн от записей в тетради.

— Да, увидимся, Серёга! Ребятишкам привет передавай.

Медбрат с сигаретой в зубах открыл задние двери и впустил солнечный свет, так что пылинки в салоне заплясали в удивительном танце.

— Ну, последний рывок и на обед, — он хлопнул в ладони, дав сигнал всем вылезать.

Выносили мое тело уже втроем. Старый, построенный в советское время морг вселял неприятное ощущение, отчего я поежился и пошел чуть позади медбратьев.

Переступив порог главного корпуса, старший расписался в тетради администратора, дав какой-то сигнал, и уже через полминуты молодая женщина выруливала каталку в нашу сторону.

Переднее колесико было плохо закреплено и противно скрипело, но, кажется, никого, кроме меня, это не раздражало.

— Раз, два, и-и-и взяли...

Втроем закинув меня на каталку, все выдохнули. Женёк, разогнувшись, хрустнул

поясницей и, не прощаясь, пошел на улицу, на ходу вытаскивая сигарету из-за уха.

Интерн, на бейдже которого я прочитал имя — Алексей, и старший медбрат под скрип колесика покатали мое тело по длинному коридору, в конце которого нас ждал грузовой лифт.

Заходить в него мне ой как не хотелось. И неспроста...

ГЛАВА 4

ПАТОЛОГОАНАТОМ

В лифте я краем уха различил завывающие голоса.

Старший санитар нажал на кнопку «-2» и уставился на табло с цифрами, растирая между пальцев какую-то монетку.

Алексей залез во внутренний карман, достал наушники, перекинул провод вокруг шеи, затем включил музыку так громко, что даже мне, стоящему в дальнем углу лифта, стали явственно слышны слова.

Опустившись на два этажа, лифт дзынькнул и с лязгом раскрыл двери. Те голоса, которые я еле слышал, теперь звучали очень отчетливо. Переместив каталку в коридор, старший санитар уверенно покатил мое тело по очередному длинному коридору, насвистывая знакомую мне песенку.

Белые флуоресцентные лампы, которыми был утыкан весь потолок, ярко освещали коридор, подсвечивая все недостатки обветшалого медучреждения. Сколы на кафеле создавали неровные стыки, отчего каталка подпрыгивала и ее заносило то влево, то вправо.

Чем дальше мы отходили от лифта, тем громче становились человеческие вопли. Но откуда?!

Поглядывая на спутников, я старался не отставать и замыкал нашу тройцу. Старший санитар на секунду остановился и застегнул халат на все пуговицы. Только сейчас я увидел, как во время свиста от его губ поднимаются струйки пара.

Алексей, напротив, был очень напряжен, собран, все его тело словно наэлектризовалось. Я заметил, что обе руки он держит в карманах и что-то проговаривает про себя.

Пока мы шли вперед, по бокам нам попадались старые металлические двери, на которых вместо табличек краской небрежно были нарисованы крупные цифры. 1... 2... 3... и так далее.

В конце коридора мы свернули налево и оказались в просторном белом зале. К нам спиной стоял здоровенный мужчина, склонившийся над чьим-то телом на такой же металлической каталке. Посиневшая нога торчала из-под белой простыни, и на пальце трупа висела бирка.

— Антон Владимирович, не помешали?

Мужчина выпрямился и развернулся на голос, держа в перчатках скальпель. Его лицо было полностью закрыто марлевой маской, очками и шапочкой.

— Ай, Ромка! Дай обниму! — то ли всерьез, то ли в шутку предложил он старшему санитару, раскинув руки пошире.

— Обойдусь как-нибудь.

— Ну как хочешь.

Бросив скальпель в раковину и стянув перчатки, Антон Владимирович накинул простынь на бедолагу, над которым только что работал, снял шапочку, маску — и прямо преобразился. Встретив его в магазине, никогда бы не догадался, кем он работает. Его скорее с добряком-пекарем можно спутать, чем с патологоанатомом.

Пока Антон Владимирович с Ромой решали формальности и спорили о чем-то, я, кажется, понял, откуда доносились голоса. В углу зала была металлическая дверь, похожая на те, вдоль которых мы шли по коридору. Только на ней ничего не было написано. Меня тянуло к ней — казалось, что там скрывается что-то странное и неведомое. Голова закружилась, а ноги сами приближались к двери. Вытянув руку вперед, я вспомнил, что могу пройти сквозь дверь, и почти было дотронулся до металлического каркаса, как замер, услышав звонкий голос Алексея.

— Стой!

Обернувшись, я увидел прерывисто дышащего пацана, который каким-то образом оказался на расстоянии двух шагов от меня.

ГЛАВА 5

ТЕНИ

— Ты кому там «стойкаешь», Алексей? — чисто из вежливости спросил у Алексея Антон Владимирович, словно это обыденная вещь.

А вот Рома, старший санитар, серьезно испугался: его глаза расширились — то ли от страха, то ли от удивления. Замерев на несколько секунд и отведя от меня взгляд, Алексей развернулся и отшутился:

— Да репетирую, репетирую, не обращайтесь внимания. Я... — тут он почесал шею, словно оправдываясь, и продолжил: — ...на актерские курсы по вечерам записался, вот и приходится иногда самому себе, так сказать, «пробы» устраивать.

— Ну-ну, пробы... Тут поработаешь и какие только представления не увидишь, — Антон

Владимирович с высоты своих двух метров наклонился к Роме и сказал уже тише: — Ты на фига его сюда притащил?

— А я чего? Его же главный врач ко мне пристроил, вот он и слоняется со мной, — оправдывался Рома.

Кто этот Алексей, черт возьми? И почему он так перепугался, увидев, как я приближаюсь к той двери? Один вопрос за другим вспыхивали в моей голове. Обойдя Алексея вокруг, я обратил внимание, что в кармане у него был выпуклый предмет, от которого исходили еле заметные волны. Это как наблюдать за только что вскипевшей водой, которая совсем недолго подрагивает и извивается, чтобы потом успокоиться, собравшись в единую гладь.

Заметив, что я смотрю на карман, Алексей засунул руки обратно и отвернулся.

— Ладно, Ромыч, договорились, но это в последний раз, когда ты вне очереди мне работенку подкидываешь, понял?

Они пожали руки, и Антон Владимирович покатил каталку с телом, с которым работал до нас, в сторону железной двери в углу. Подойдя к ней ближе, он одним

уверенным движением схватил за ручку и потянул на себя.

Вопли усилились. Тусклые, почти прозрачные тени людей, покачиваясь, как ивы на ветру, толпились около проема, не в силах выйти наружу. Подойдя ближе, я разглядел их лица, искаженные болью и горем, просящие о помощи и тянувшие ко мне свои бестелесные руки.

Антон Владимирович вместе с каталкой прошел сквозь толпу теней и скрылся в комнате, которую, как я понял позже, называют «холодильник». В ней хранят тела, пока не придет время хоронить.

Рома быстрой походкой вышел из зала, и я услышал, как закрылись двери лифта.

Алексей, что-то с силой сжимая в кармане, почти бесшумно произнес:

— Медленно иди за мной.

Я послушался. Вдруг одна из теней выскользнула из дверей «холодильника» и прицепилась к потолку. Держа темп Алексея, я не сводил с нее глаз. Она отличалась от остальных. Обезображенное лицо уже не напоминало человека, вместо глазниц